

ПИР В ХЕОРТЕ: ПРЕЗЕНТЕМЫ ВЛАСТИ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»)

FEAST IN HEOROT: PRESENTATIONS OF POWER IN GERMANIC SOCIETY OF THE EARLY MIDDLE AGES (BASED ON THE POEM "BEOWULF")

*I. Palashevskaya
V. Gogenko*

Summary: The article is written from the position of semiotic and axiological approaches of modern linguistics to the study of social phenomena and is devoted to lingua-semiotic (sign) clusters of power that form its images in culture of German society in the early Middle Ages. The research is based on the epic poem "Beowulf". Considering the descriptions of the feast at king's court as a collective symbolic action, the authors focus on the signs-locatives – designations of places of public self-presentation of power and its socio-cultural communication, the collective actions performed and potestas insignia used in this practice.

Keywords: semiotics, power, status, sign, presentem, performance, speech act, communicative event, ritual.

Палашевская Ирина Владимировна

*д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»
irina_777@volsu.ru*

Гогенко Виктория Владимировна

*старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»
gogenko-v@yandex.ru*

Аннотация: Статья выполнена в русле семиотического и аксиологического подходов современной лингвистики к изучению социальных феноменов и посвящена знаковым комплексам власти, формирующим ее образ в культуре германского общества раннего средневековья. В качестве материала исследования служит поэма «Беовульф». Рассматривая описания пира при дворе конунга как коллективного символического действия, авторы фокусируют внимание на знаках пространства публичной самопрезентации власти и ее социокультурной коммуникации, исполняемых в этом пространстве действиях и используемых при этом предметах, наделяемых символическими смыслами.

Ключевые слова: семиотика, власть, статус, знак, презентема, перформанс, речевой акт, коммуникативное событие, ритуал.

Поэма «Беовульф» как источник представлений о власти

«Беовульф» (3182 рукописных строк) называют великой эпической поэмой, написанной на древнеанглийском языке, выразительность аллитераций, разнообразная игра слов и сила воздействия которого накладываются на смысловые тонкости [2, с. 33]. Возникновение данного жанра словесного творчества ученые связывают с появлением раннегосударственных образований, процессами племенной консолидации в завоевании территорий и сохранении контроля над ними [9, с. 10]. Ключевыми ценностями эпического повествования являются этническая самоидентификация, ценность коллективной общности и отдельной личности, ее героический характер, необходимый в сражении с враждебными силами [там же]. Такие качества, как отвага перед противником, доблесть, мужество, несгибаемая воля, определяли ценностную картину раннесредневекового германского мира и также важны для понимания его политического устройства, представлений о власти, смысле ее существования, ее облике, обаянии, отождествлении с конкретным лицом и его действиями. Будучи основой жизнеспособности

общества, данные качества привлекали и определяли требования к персоне правителя, покровителя воинов, являлись неотъемлемой составляющей его образа в культуре (*sigerof* (Bwf., l. 619) – *победоносный*, *bregorof cyning* (Bwf., l. 1925) – *славный, доблестный правитель*, *headorof cyning* (Bwf., l. 2191) – *неустрасимый в бою конунг*). В тексте поэмы отражена определенная система представлений о назначении этой фигуры в устройстве германского мира.

Так, функции власти, связанные с обеспечением безопасности, военной защиты территории, неприкосновенности ее границ, выражены в таких номинантах конунга, как, например, *helm Scyldinga* (Bwf., l. 371, 456, 1321, 2461, 2705) – *шлем Скильдингов* (кеннинг), т.е. защита Скильдингов (о Хродгаре – предводителя войска, но также правителя); *eodur Scyldinga* (Bwf., l. 663) – *заступник, покровитель Скильдингов*, *folces hyrde* (Bwf., l. 1849, 2644, 2981), *frod folces weard* (Bwf., l. 2513) – *защитник, мудрый охранитель народа*.

Представления о власти, основанной на вознаграждении, достойной награде за воинскую отвагу и преданность, отражено в таких лексемах, как *beaga bryttan* (Bwf.,

l. 35) – даритель колец, сокровищ, *goldwine gumena* (Bwf., l. 1604) – тот, кто дарует воинам золото и покровительство. Функции властителя получают соответствующее обрамление и реализуются в перформансных практиках публичного восхваления и поощрения ратных подвигов. К таким практикам относится пир при дворе конунга, описанный в рассматриваемой поэме.

Следует заметить, что германский героический эпос включает элементы исторических и политических реалий, повествования о реально существовавших родовых династиях, союзах знатных кланов, обладавших властью и богатствами, о конунгах, дружинах, их завоеваниях, смешивая элементы историзма с вымыслом [13]. Однако, как отмечают исследователи, эпос содержит «народно-поэтическую концепцию исторического прошлого» [7, с. 25], «в его формировании принимают участие еще недостаточно исследованные механизмы отбора, иерархизации, редукции и компрессии жизненного материала, точнее – его проекций в общественной памяти» [9, с. 15]. Отсюда проблема датировки поэмы «Беовульф» и неразгаданность большей части исторической прото-сюжетной основы ее повествований. Сегодня рукопись поэмы, побывавшая в частных коллекциях Л. Ноуэла и Р. Коттона, является достоянием Британской библиотеки и ценным источником представлений общества прошлого о военной и политической власти, знаковых комплексах, формирующих ее образ и семантическое поле в культуре раннего средневековья.

Презентационная сторона власти, изучаемая в рамках потестарной имагологии [3; 11; 17], притягивает внимание и лингвистов [10; 18; 21; 5; 15 и др.]. В поле зрения науки о языке – знаковые комплексы-системы, факты коммуникации, которые организуются и становятся понятными в соответствии с определенными кодами восприятия и узнавания (наборами ожиданий), раскрывающими определенное видение мира и отношение к нему [20, с. 199]. При этом представления о власти передаются посредством разных знаковых компонентов, включая объекты природного и городского ландшафта, изображения, мелодии, цвета и детали одежды, речевые акты, жесты, предметы и т.п. – визуальные, вербальные, тактильные, густальные, scentальные средства конструирования потестарных образов в культуре, взаимосвязанные друг с другом.

Актуальным лингвосомиотический подход к изучению социальных феноменов представляется именно в отношении раннесредневекового общества, в котором, власть не мыслится как абстрактная, безликая сила; она персонифицирована, визуально узнаваема, инсценируется властителями и подвластными в перформансных практиках ритуального характера, включающих предметы, слова и жесты. Она есть то, как она осуществляется людьми [3; 4; 6; 16]. Данный подход фокусирует вни-

мание на индивидуальном облике власти, ее внешней презентационной стороне – атрибутах, символике, церемониалах, протокольных процедурах, раскрывающих существующие властеотношения в обществе. Она отождествляется с конкретными субъектами (носителями власти), которые принадлежат правящим слоям общества и оказывают огромное влияние на ход событий его жизни.

Пир в Хеороте: презентемы и функции

С позиции презентационной теории дискурса, процесс представления власти обществу, ее социокультурной коммуникации может быть представлен в виде «разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем» – «комплексных знаков» (невербального, вербального и смешанного типов), «базовая функция которых состоит в передаче и фиксации концептов и образов действительности» [10, с. 182–183]. Так, например, власть в таком событии, как пир в Хеороте (*symbel*), предстает в виде общности людей, обладающих определенным статусом, находящим внешнее выражение в деталях облачения, коммуникативных инициативах и модусе обращений, жестах выражения почтения и т.п. Посредством презентем она создает свой образ, предъясвляет себя обществу и воспринимается в нем.

Презентемы власти в данном событии включают знаковые комплексы различной природы: локусные, артефактные, знаки-персоналии и т.п. Прежде всего, особым образом устроенное пространство, место действия (медовый дворец), объекты, наполняющие это пространство и служащие для демонстрации статуса властителя и его приближенных (трон, медовые скамьи и т.п.); символические предметы, используемые в происходящих в данном пространстве событиях (чаша с медовым напитком, дары); ключевые фигуры (хозяин и устроитель пира, подносительница напитка, дружинный певец, гости, страж медового дворца, знатные люди и воины), их определенное позиционирование в символическом материальном пространстве, эксплицирующее иерархический элемент. Так, например, один из персонажей поэмы, Унферт (*Unferð*), во время пира сидит у ног конунга (*be æt fotum sæt frean Scyldinga* (Bwf., l. 499)), что означает его высокое положение при дворе, особую приближенность к правителю и подчинение ему. Участник пира в Хеороте считается частью сообщества, и место, где он сидит – значимый проксемический компонент коммуникации, служит средством демонстрации всем присутствующим его статуса. Соответственно смена места демонстрирует смену статуса в этом сообществе. По прибытии в Хеорот Беовульф сидит с молодыми воинами, но после победы над врагами Хротгара он располагается с сыновьями и людьми, входящими в ближайшее окружение конунга. Это перемещение персонажа не является его личным выбором, оно обусловлено повышением его статуса и

указанием хозяина пира.

Презентемы власти включают также акциональные знаки – заданную традицией последовательность происходящих на пиру действий. В структурном отношении пир – сложносоставное событие, включающее внесение напитка, поднесение чаши хозяину пира, его речь, открывающая пир, обход с чашей присутствующих, словесные поединки (хула), служащие для демонстрации воинственности, боевого пыла воинов (поединок Унферта и Беовульфа), славящие отважных воинов хвалебные песни, произнесение клятв и благопожеланий, а также вручение даров.

Это событие узнаваемо, имеет перформансный характер, происходит на глазах определенной общности, которая «создает в символическом материальном пространстве символическое социальное пространство», является как участником, так и наблюдателем события [6, с. 246–247], выполняет функцию «l'assistance», «способствования посредством присутствия», «активного свидетельства» [26, р. 67]. Пир в Хеороте обладает зрелищностью, эмоциогенностью, притягательной и вовлекающей силой, является запоминающимся. Словесные обозначения данного перформанса в тексте включают такие единицы, как *gomen in geardum* (Bwf., l. 2460), *healgamen* (Bwf., l. 1065) – *празднество, веселье при дворе конунга*.

Занимая важное место в жизни данов, пир выполнял ряд функций. Во-первых, рассматриваемое действие являлось формой самопрезентации, экспонирования определенного сообщества людей, включая устроителя и хозяина пира – конунга (*cyning, beodcyning*), его ближайшее окружение: родовой клан (*суп*) и дружину (*gedryht, gedriht: ... hæleþa gedryht, eodur Scyldinga* (Bwf., l. 662–663) – *дружинное войско, опора Скильдингов ...*), в которую входили люди благородного происхождения, стремящиеся к славе и добывавшие ее в битвах – эрлы (высший слой знати) и тэны (... *þær Hroðgar sæt ... mid his eorla gedriht* (Bwf., l. 356–357) – *где Хротгар сидел в окружении эрлов; Higelaces þegn* (Bwf., l. 194) – *тэн, воин на службе у Хигелака* – о Беовульфе). Высокий статус праздника подчеркивается тем, что участие в нем общало приглашенным чувство принадлежности к этой элитной общности, которая, желая продемонстрировать свое могущество, выставляла себя напоказ в доспехах, оружии, украшенная золотом и драгоценностями. Таким образом, данное событие обладало консолидирующей силой, связывая людей в единое привилегированное множество. Пир в Хеороте – также действенный инструмент приближения к конунгу, расположения к нему и подчинения элиты общества его власти.

Как повествует поэма, пир играл важную роль не только в укреплении существующих связей и отношений внутри сообщества, но и являлся частью налажи-

вания внешних политических отношений, служил демонстрацией готовности к союзу племен геатов и данов, актом гостеприимства, взаимного уважения и признания. Пир также служил способом самопредъявления, самопозиционирования, создания образа властвующей элиты своего общества на межземельном уровне. Обладая сближающей силой, это публичное коллективное действие имело политическое значение, выступало инструментом решения государственных задач. При этом, как иронично отмечается во многих исследованиях, в германском героическом эпосе пир – одно из основных состояний бытия его героев: они либо сражаются, либо пируют. «Беовульф» повествует о четырех крупных пиршествах: три происходят непосредственно в самом Хеороте и еще одно во дворце геатов, по возвращению Беовульфа-победителя чудовищ в родные края.

Презентемы власти в архитектурном облике Хеорота

Пространство власти образуют семиотически маркированные места (локусы) ее присутствия, средоточия. Хеорот – центр земли данов, не просто дворцовое сооружение раннесредневековой эпохи, но, прежде всего, знаковое место собраний и церемоний власти (*medelstede* 'meeting place') [25, р. 116]. Особый статус этого сооружения подчеркивается его архитектурной семиотикой и размерами: ... *Sele hlifade, heah ond horngeap* [Bwf., l. 81–82] – *Чертог возвышался, широко расставленными рогами украшенный...* (оленьи рога традиционно трактуется как средневековый символ власти, а также доблести воина, готового к сражению). Это сооружение «темных веков» источает лучезарный свет, распространяющийся на земли данов, производя буквально и фигурально ослепительное впечатление. Увидев Хеорот, Беовульф и его дружина были поражены его сияющим великолепием: *þæt wæs foremærost foldbuendum receda under roderum* (Bwf., l. 309–310) – *То был лучший для на земле живущих чертог под небесами*.

Описания ярких деталей архитектурного декора, внешнего и внутреннего убранства свидетельствуют о роскоши и великолепии Хеорота: *sincfage sel* (Bwf., l. 167) – *украшенный сокровищами хором, fagne flor* (Bwf., l. 724) – *мозаичный пол, разноцветный, hrof golde fahne* (Bwf., l. 925–926) – *кровля, золотом покрытая, goldfag scinon, web æfter wagum* (Bwf., l. 994–995) – *переливающиеся золотом тканые полотна на стенах, gifstol – трон дарителя сокровищ* (Bwf., l. 168, 2327), *medubenc tonig ... golde geregnad* – *множество скамей медовых, золотом украшенных* (Bwf., l. 776–777). Красота и лучезарный блеск – часть космологической картины средневековья [19, с. 99–110]. В поэме также упоминается об элементах фортификации Хеорота – искусно кованых железных поясах (*irenband* 'iron band'), укреплявших его стены внутри и снаружи: ... *he ... fæste wæs, innan ond*

utan irenbendum, searþoncum besmipod (Bwf., l. 773–775).

Хеорот – воплощение гармонии мира данов, устойчивости существующего в нем порядка; он несет в себе идеологическое содержание и встроено в дуальную мифологическую систему противостояния враждующих племенных миров – своего и чужого, удаленного, зыбкого (болотного), темного, хтонического, несущего разрушение данам. Отсюда описанные выше цветосветовые и артефактные презентемы ключевого пространства социальной реальности данов несут эмоционально-аттрактивный характер и представляют собой заданные культурой визуальные объективации эмоциональных состояний, связываемых с этим сооружением и теми ценностями, которые оно воплощает. Богатство, блеск золота и самоцветов выполняли фасциативную функцию, призваны были поражать, вызывать удивление, приковывать внимание, демонстрируя могущество их обладателя и процветание мира данов.

Своим исполнением Хеорот служил презентемой власти, средством демонстрации обществу ее присутствия, щедрости, внушения представлений о ее незыблемости, военном успехе и неукротимой мощи.

Как знаковый комплекс медовый чертог эксплицирует коллективные представления о способе организации и использования пространства власти, формах совместного действия в нем, отражающих существующую в обществе систему социальных отношений.

В поэме используется ряд композитных лексем для обозначения Хеорота, раскрывающих его назначение в потестарной культуре: *medoheal* (Bwf., l. 484, 638) – *медовый зал, трапезная*; *beahsele* (Bwf., l. 1177) – *палата для дарения колец*; *goldsele* (Bwf., l. 715) – *золотая палата, дворец*; *gifhealle* (Bwf., l. 838) – *хором для раздачи даров*. Данные обозначения связывают архитектурный объект с его функцией и соответствующими моделями поведения в нем, выступают «шапками» свернутых сюжетных структур, ритуалов власти, основанной на подвиге и вознаграждении. Особую роль в этих акциональных структурах презентации власти играли медовый напиток и дары.

Медовый напиток как презентема власти

Согласно поэме, мед, медовый напиток (*medo*) имел высокий семиотический статус и служил символическим атрибутом власти в германском обществе раннего средневековья. Сама возможность медовой трапезы на дружинных пирах означала отсутствие войны внутри общности и с другими народами: «Mead was more than just a drink. It was a symbol of power. If you had the time and luxury to sit around drinking mead, then all must have been well in your land. And conversely: if you didn't that op-

portunity, things must have been going badly» [23, p. 20]. В то же время разоренные медовые залы и привезенные в качестве трофеев медовые скамьи символизировали победу и власть над врагом.

В тексте поэмы используется множество лексических единиц, репрезентирующих культуру, связанную с питием данного напитка (*medodrinc*) и обозначающих а) сооружение, где проводятся медовые трапезы: *medoærn*, *medoheal*, *meduseld* (Bwf., l. 69, 484, 638, 3065) – *медовая палата, хором, чертог для пиршеств*; б) пространство где находится данное сооружение: *medowang* (Bwf., l. 1643) – *поле, долина медового чертога*; в) дорога, ведущая к нему: *medostig* (Bwf., l. 924); г) предметы мебели, используемые во время пиров: *meodosetla*, *medubenc* (Bwf., l. 5, 775) – *скамьи для медовых пиршеств*; утварь для медового напитка: *meduscenc* (Bwf., l. 1983) – *сосуд для меда*, *medoful* (Bwf., l. 624) – *медовая чаша*; д) состояние насыщения напитком: *meduwerig* – *упившийся медом*, *druncne dryhtguman* (Bwf., l. 1231) – *хмельные дружинники*; состояния радости и восторга во время пиршества: *medudream* (Bwf., l. 2019) – *медовое веселье*.

Поднесение медового напитка в Хеороте – важная составляющая «сценария власти», назначение которой – выделить героев и воздать им почести. При описываемом в поэме церемониале существовали определенные правила. Так, чашу подносит Вальхтеов (*goldhroden freolicu folccwen* – *золотом украшенная благородная королева народа*). Сначала – Хротгару как хозяину пира и правителю, упрашивая его принять чашу:

<p><i>Onfoh þissum fulle, freodrihten min, sinces brytta. þu on sælum wes, goldwine gumena, ond to Geatum spræc mildum wordum swa sceal man don.</i></p>	<p><i>Прими эту чашу, о господин мой, даритель сокровищ. Возрадуйся, щедрый друг героев, и геатам молви доброе слово, как и должно воину.</i></p>
--	---

(Bwf., l. 1169–1172)

Обратим внимание на то, что речь Вальхтеов содержит ряд заданных культурой обращений, презентем-вокативов власти, служащих символическим обозначением статусной позиции Хротгара (кто он) и роли (что он должен делать): *sinces brytta* (раздающий богатства, сокровища) и *goldwine gumena* (букв. «золотой друг воинов»).

Почетной чашей наделяется и гость в знак особого уважения. Согласно описываемому в поэме ритуалу, поднесение воинам медовой чаши, восхваления их отваги и благопожелания следуют после того, как конунг испивает медовую чашу до дна. Принятие чаши с медом из рук королевы считалось почетным, это презентема-демонстратив привилегии, предоставленной участникам пира, которой удостоивались лишь наиболее знатные и отличившиеся воины. Принимающий чашу должен был

совершить ответные действия. Во время первого пира, Беовульф, приняв чашу, произносит клятву (*að*) совершить доблестный поступок (*eorlic ellen*) – одолеть Гренделя, разоряющего земли данов. Клятва строится как инвертирование благопожелания (призывания желаемых событий) и включает злопожелание говорящего самому себе, в случае невыполнения данного обещания:

*lc gefremman sceal
eorlic ellen, oþðe endedæg
on þisse meoduhealle minne gebidan.*
(Bwf., l. 636–638)

*Совершу я должный поступок от-
важный или погибель свою в этом
медовом чертоге встрече.*

Наряду с похвалой и благопожеланиями, клятвы рассматриваются как один из видов публичных вербальных жестов, производимых персонажами перед сражением, в качестве психологической подготовки к нему. Данный перформативный речевой акт выступает также одним из семиотических средств формирования социальных границ, образования племенных союзов в условиях внешней агрессии [12, www]. Произнося клятву, Беовульф присягает на верность конунгу, который, в свою очередь, вверяет геату судьбу сокровищницы данов – символа величия их правителя, его могущества и власти. Клятва, таким образом, является также актом-презентом статусного позиционирования и сопровождает ситуацию установления на пиру определенных отношений, в которой воин принимает на себя обязательство, а конунг осуществляет свою власть, оказывая ему доверие, что в тексте поэмы выражается посредством речевых актов-побуждений, выражающих волеизъявление конунга: *Hafa nu ond geheald husa selest* (Bwf., l. 658). – *Прими и защиты чертог наилучший*. Отношения воина и конунга скрепляются медовым напитком. Питие медового напитка в Хеороте, таким образом, – социальный ритуал, связывающий конунга и воина словами и действиями.

Презентационная функция даров властителя

Завоевание земель, приумножение власти зависело от военных ресурсов, воинов, которых привлекала на службу возможность получения щедрой награды. Отношения власти и подчинения в данном случае определяются через понятие дара – определенной траты, утверждающей статус дарителя и обозначающей социальную дистанцию между конунгом и воином. Раздача даров эксплицирует этот иерархический элемент в системе общества. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «дар есть источник и самая сущность власти. Власть упраздняется лишь отдариванием» [1, с. 108]. Дар в поэме является платой за службу, поэтому не может быть взаимным. Раздача конунгом материальных ценностей – одно из важнейших средств демонстрации и удержания своей власти.

К ценностям, имеющим отношение к атрибутам во-

енной власти и отражающим принадлежность человека к элите общества, поэма относит, прежде всего, искусно изготовленные предметы оружия, одежды боя и конское снаряжение (*herebyrne hondum gebroden, sid ond searofah* (Bwf., l. 1443–44) – *кольчуга, вручную сплетенная, широкая и искусно украшенная, herenet hearde* (Bwf., l. 1553) – *сеть боевая (кольчужная), тяжелая; hwita helm... since geweorðad... besette swinlicum* (Bwf., l. 1449) – *сверкающий шлем, драгоценно украшенный и вепрем увенчанный*). Источник подробно описывает дары, которые получает Беовульф в Хеороте в награду за свои подвиги: *helm ond byrnan* (Bwf., l. 1022) – *шлем и кольчугу, segen gyldenre* (Bwf., l. 1021) – *стяг золототканый, mære maðþumsweord* (Bwf., l. 1023) – *меч знаменитый, eahta mearas fætedhleore* (Bwf., l. 1035) – *восемь боевых скакунов, щёчными бляхами (в сбруе, соголове) покрытыми* (Bwf., l. 1036), *sadol searwum fah... þæt wæs hildesetl heahcyninge* (Bwf., l. 1038, 1040) – *седло боевое конунга (Хротгара), искусно украшенное (пестрое, цветами переливающееся)*.

Особой социальной и культурной значимостью наделяется такое клинковое оружие ближнего боя, как меч. Меч – артефактная презентема элиты германского общества раннего средневековья, не только предмет вооружения, но и отличительный знак знатного, благородного воина. Мечи нарекались именами, имели свою историю жизни, включавшую их особое происхождение (родословную), участие в битвах, передачу по наследству или в качестве дара (*sweord-gifu*) и погребение [24, p. 13–20]. Они выступали символами рода, клана, народа, «наследием предков». В малых жанрах фольклорной культуры, наряду с другими предметами вооружения, они персонализировались, наделялись коммуникативной потенциальностью и рассказывали свои истории. Среди вербальных презентем статусности данного предмета вооружения можно выделить лексему *maél* ‘отмеченный, имеющий отличительный знак, примету, примечательный чем-л’, входящую в состав таких слов-композиций древнеанглийского языка, как *hringmaél* – *кольцами отмеченный*, *wundenmaél*, *bródenmaél* – *отмеченный сложноузорчатой многослойной ковкой*. К статусным отличиям относились проверенность временем, боевую историю (*eald sweord* (Bwf., l. 1559, 1664, etc.), *sweord ... gomol* (Bwf., l. 2683) – *меч старинный*), невероятную прочность, гибкость меча, его рубящие качества, грани лезвия (*escgum þyhtig* (Bwf., l. 1558) – *с закаленным острым лезвием*), текстуру оружейной стали, технологиюковки клинка и узоры, специальные отметины, украшения (*sweord ... wreoethen-hilt and wyrm-fah* (Bwf., l. 1699) – *с крученой рукоятью и драконом украшен; gomol ond grægmæl* (Bwf., l. 2683) – *старинный с серебряными прожилками*). В коллективном сознании германских народов меч, несомненно, относился к категории ценностей.

Как отмечает Е.А. Мельникова, «великолепие и неповторимость оружия является распространенным прие-

мом героической характеристики, оно служит видимым атрибутом героической сущности персонажа. Избранность героя находит отражение и в избранности оружия, в их предназначенности друг другу» [8, с. 85]. Отсюда, получить особенное оружие в качестве награды – высшая честь, которой удостоивался лучший воин, *secg betsta* (Bwf., l. 947), своими подвигами добывший славу (*ðær wæs Beowulfes tærdō* (Bwf., l. 856-57) – *то была слава Беоульфа*). Трофеи и дары, как символ прославления своего рода, Беоульф передает Хигелаку: *eafor heafodsegn* (Bwf., l. 2152) – *вензельный стяг*, *headostearne helm* (Bwf., l. 2153) – *высокий боевой шлем*, *hare byrnan* (Bwf., l. 2153) – *железную кольчугу*, *gidſweord geatolic* (Bwf., l. 2154) – *боевой меч отменный*. Это жест преданности и подчинения воина своему властителю – конунгу.

Выводы

Поэма «Беоульф» – ценный источник для исследования презентационной стороны власти в германском обществе раннего средневековья. Эта внешняя сторона рассматриваемого социального феномена наиболее ярко представлена в описаниях пира при дворе конунга – социокультурной практики, создаваемой коллективно, обладающей вовлекающей и объединяющей силой, в которой вербально и визуально эксплицируются характерные для данного периода представления о власти, модели статусной стратификации общества и отношений между людьми.

Как устоявшаяся форма экспонирования устройства социального мира, пир в Хеороте имеет ритуальный символический характер, предполагает повторение типовых сценариев социальной коммуникации, вовле-

чение в происходящее ключевых участников, присутствующих лиц, телесных и речевых практик, а также предметов. Он характеризуется неоднородностью знаковых комплексов, зрелищностью, эмоциогенностью и фасцинативностью.

Комплексные знаки власти в данном событии включают семиотически маркированное пространство (Хеорот), в котором предъясняются и взаимодействуют между собой артефактные и акциональные презентемы выстраивания и коммуникации образов власти, демонстрации обществу ее присутствия, щедрости, военного успеха и неукротимой мощи. Особое внимание при этом уделяется презентационной функции материальных объектов, высоко ценимых в социальной практике, представлявших собой ценности самой власти. Обладание ими, получение их в качестве дара от властителя – свидетельство избранности, особого статуса. Отсюда угощение медовым напитком и раздача даров в Хеороте – важная составляющая «сценария власти» и инсценирования существующих внутри общества отношений.

Лингвосемиотический подход к исследованию социальных феноменов фокусирует внимание на демонстрационной коммуникации знаков, драматургической организации общения, на мельчайших единицах воздействия и позволяет раскрыть презентационный потенциал таких многомерных концептов, как власть.

Источники и принятые сокращения

1. Bwf. – Beowulf 4.0 (online edition). – The British Library and The University of Kentucky College of Arts & Sciences, 2015. – URL: <https://ebeowulf.uky.edu>, (accessed 20.10.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет: КДУ, 2009. – 389 с. ISBN 978-5-98227-619-3
2. Брэгг М. Приключения английского языка. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. – 424 с. – ISBN 978-5-91671-822-5.
3. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред.: М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – 383 с. – ISBN 978-5-91419-366-6.
4. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. – Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009. – 164 с. – ISBN 978-5-94348-050-8.
5. Гвоздецкая Н.Ю. Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи в поэме «Беоульф») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2016. – Т. 15, No 4. – С. 168–178. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.17>.
6. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 326 с. – ISBN 5-7525-0740-5.
7. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – Москва: Вост. лит., 2004. – 462 с. – ISBN 5-02-018476-4.
8. Мельникова Е.А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. – Москва: Мысль, 1987. – 203 с.
9. Неклюдов С.Ю. Эпос в мировой литературе // ШАГИ/STEPS, 2015. – Т 1. – № 2. – С. 7–22.
10. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – Москва: Гнозис, 2007. – 407 с. – ISBN 5-7333-0184-8.
11. Санников С.В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: мифы, чудовища (интер)тексты: монография. – Москва: Буки Веди, 2016. – 220 с. – ISBN 978-5-4465-1225-6.
12. Санников С.В. Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // Universum: электрон. научн. журн. – 2017. – № 10 (44). –

- URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171> (дата обращения: 25.10.2021).
13. Смирницкая О.А. Эпос Северной Европы: Пути эволюции / О.А. Смирницкая, И.Г. Матюшина, Е.А. Гуревич и др. – Москва: Изд-во МГУ, 1989 (1990). – 175 с. – ISBN 5-211-00365-9.
 14. Смирницкая О.А. Древнегерманская поэзия: каноны и толкования. – Москва: Яз. славян. культуры, 2005. – 175 с. – ISBN 5-9551-0089-X.
 15. Томберг О.В. Образ. Ценность. Культура: лингвоаксиологические аспекты изучения художественных образов древнеанглийской литературы: монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019. – 310 с. – ISBN 978-5-7996-2582-5.
 16. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. – Москва: Магистериум, 1996. – 447 с. – ISBN 5-85374-006-7.
 17. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века = Pouvoir et société en l'Europe occidentale au Moyen Âge. – Москва: Наука, 2008. – 312 с. – ISBN 978-5-02-035981-9.
 18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Москва: Гнозис, 2004 – 324 с. – ISBN 5-7333-0144-9.
 19. Эко У. Свет и цвет в Средние века // История красоты; под ред. У. Эко. – Москва: СЛОВО/SLOVO, 2017. – С. 99–131. – ISBN 978-5-387-01336-2.
 20. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. – Санкт-Петербург: Symposium, 2004. – 538 с. – ISBN 5-89091-252-6.
 21. Янушкевич И.Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. – Волгоград, 2009. – 492 с.
 22. Crystal D. The story of English in 100 words. – London (Croydon): GPI Group (UK) Ltd, 2012. – 260 p. – ISBN 978 1 84668 428 9.
 23. Culbert T. The Narrative Functions of Beowulf's Swords // The Journal of English and Germanic Philology. – Vol. 59. – No. 1. – 1960. – P. 13–20. JSTOR. – DOI:10.2307/27707401.
 24. Earl J.W. Thinking About 'Beowulf'. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 220 p.
 25. Grant S. Fifteen Theses on Transcendental Intersubjective Audience / S. Grant // About Performance. – 2010. – No 10. – P. 67–79. – ISSN 1324-6089.

© Палашевская Ирина Владимировна (irina_777@volsu.ru), Гогенко Виктория Владимировна (gogenko-v@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

